

Критик Л. Турбина отметила, что «Алесь Кожедуб обеспечивает присутствие белорусского голоса в русской культурной ситуации, эта неучтенная ситуация... очень важна сейчас, когда... проза в Белоруссии остановилась для русского читателя на Василе Быкове и Светлане Алексиевич» (Тост за Белоруссию // День лит-ры. 2003. № 12).

Прозу К. последнего десятилетия относят к направлению «нового реализма», где реальность соседствует с вымыслом, современность — с историей, смешное — с трагическим (См.: Материалы конференции «Новый реализм» и «Новый реализм-III». М.: Московская городская писательская организация, 1999. С. 28; 2001. С. 13–15). По мнению обозревателя газ. «Московский литератор», «К. является одним из лидеров современной русской прозы. Подобно тому как Гоголь привнес в русскую литературу малороссийский колорит, в произведениях К. мы узнаем характер Белой Руси. Мягкие, пастельные интонации его голоса таят в себе скрытую мировоззренческую строгость и даже жесткость» (Московский литератор. 1998. № 3). Особое место в творчестве К. занимает эссе «**Река воды живой**» (В сб. «Волки на Мугуне». 2000), посвященное истории белорусского народа. На основе археологических, этнографических, исторических и лингвистических исследований писатель создал собственную теорию возникновения белорусского этноса и его отношений с др. славянскими народами. «Языческие корни белорусского народного мировосприятия питают прозу К. той самой живой водой из источника, описанного в эссе; это органическое, наполненное не одномерным смыслом питательное чтение, иногда книгу хочется отложить и подумать, иногда — читать не отрываясь. И христианство (в крестьянском до недавнего времени народе) выросло естественно из язычества, образовав некий симбиоз, который не смогли искоренить и даже затронуть преходящие надуманные идеи, а также их носители... Проза этого автора доносит до нас звуки и запахи земли белорусской, такой близкой и все-таки другой» (Турбина Л. Тост за Белоруссию // День лит-ры. 2003. № 12). Награжден медалью в честь 850-летия Москвы. Член бюро творческого объединения прозы МГО СП России.

Живет в Москве.

Соч.: На белорусском яз.: Городок: Повесть и рассказы. Минск, 1981; Разговор: Повесть и рассказы. Минск, 1985; Лесовик: Повесть и рассказы. Минск, 1987; Дорога на замчище: повести. Минск, 1990; Святой колодец: рассказы. Минск, 1994. На русском яз.: Вы-

соко солнышко, высоко: Повести, рассказы. М., 1989; Могила для директора кладбища: Повесть, рассказы. М., 1997; Волки на Мугуне: Повесть, рассказы, эссе. М., 2000; Тост за Россию: рассказы. М., 2002; Правда всегда выше лжи: Беседа с писателем // Лит. Россия. 2001. № 47. С. 15.

Лит.: Ипатова О. Степан вернулся в село... // Лит. газ. 1983. № 8. 23 февр.; Питляр И. Проза А. Кожедуба // Лит. обозрение. 1986. № 9; Блажнова Т. Надвое бабка ворожит... // Книжное обозрение. 1997. № 4; Евсеев Б. Лесовик в Москве // Лит. газ. 1998. № 20. 20 мая; Варакин А. Он знает, что будет // Лит. Россия. 1998. № 34. 21 авг.; Федь Н. Опавшие листья. Русская лит-ра конца XX века. М.: Советский писатель, 2000. С. 265–267; Воронина О. Оставьте место чуду // Московский литератор. 2001. № 13; Жуков А. Река воды живой // Слово. 2002. № 1.

С. М. Казначеев

КОЗАКОВ Михаил Эммануилович [11(23).8.1897, ст. Ромодан Полтавской губ.— 16.12.1954, Москва] — прозаик, драматург.

К. родился недалеко от Полтавы, раннее детство провел в Крыму, где его отец работал весовщиком на порту; учился в Лубянской гимназии Полтавской губ., окончил гимназию в 1916 и поступил в Киевский ун-т сначала на медицинский, а затем на юридический ф-т. К. участвовал в студенческом движении в февр. 1917, за что ему в 1918 пришлось скрываться в подполье, а когда в янв. 1919 Лубны захватили красные, К. оказался на явке у большевиков, и, хотя в партии не состоял, его тут же привлекли к работе в ревкоме, избрали в Совет. К. был комиссаром труда, членом редколлегии местных «Известий» и корреспондентом телеграфного агентства РОСТА.

Когда в авг. 1919 денкиницы заняли Полтаву и угрожали Лубнам, К. вошел в штаб обороны Лубен и был назначен начальником эвакуации. В качестве комиссара эшелона с эвакуированными К. довез порученных ему людей до Казани и там в 1920 поступил на юридический ф-т Казанского ун-та, но в 1921 занятия оставил и переехал в Петроград.

В Петрограде началась лит. деятельность К. Здесь в ж. «Юный пролетарий» (1923. № 8–9) был напечатан его первый рассказ «**Санька**», написанный в духе рассказов Л. Сейфуллиной о беспризорниках. В том же году ж. «Лит. еженедельник» опубликовал рассказ К. «**Три дня**». В 1924 массовые ж. «Огонек», «Зори», «Красная панорама» поместили на своих страницах очередные рассказы К.— «**Хиромантка в квартире 39**», «**Крестный поход штабс-капитана Жеребко**», «**Знобич, или Мат**

М. Э. Козаков

в 2 хода) и др. Уже по названиям этих рассказов видно, насколько силен был у К. интерес к необычным героям, к редким и оригинальным столкновениям ситуаций и характеров, к курьезным случаям. Однако тяга к необычному не превратила К. только в рассказчика анекдотов, что стало ясно уже по первому сб. писателя **«Попугаево счастье»** (1924). В тематике рассказов, составивших эту книгу, чувствовалось влияние М. Зощенко, Н. Никитина и др. «серапионов», но вместе с тем К. воспринимал жизнь более романтично и трагично, чем «серапионы». Целый ряд произведений К. написан как бы об одном и том же. Герой рассказа **«Чужое лицо»** («С чужим именем», 1924), представитель древнего дворянского рода, женился на солдатке и, скрывая свое происхождение, принял ее фамилию, превратившись в глазах окружающих в обыкновенного мужика. **«Полтора хама»** (1927) — рассказ о бывшем капитане, прячущем свое прошлое и работающем военруком. Полностью перешел из прошлого в настоящее и бывший полковник из **«Попкиного счастья»** (1924). Парализованный, прикованный к креслу, он доживает свои дни на деньги, который живущий с ним бездомный старик зарабатывает на базаре с помощью полковничьего попугая, бывшего предметом дворянской страсти своего хозяина и ставшего ему кормильцем.

Некоторые критики находили уже в первых рассказах К. переключки с произведениями Л. Андреева и А. Ремизова, тем более

что на язык рассказов К. явно повлиял стиль этих писателей. «По форме Козаков — вычурен в стиле, где построение фраз противоречит принципам обычного литературного синтаксиса, представляя приближение то к неправильной разговорной речи, то к стихотворению в прозе» (Горбачев Г. Очерки современной русской лит-ры. Л., 1925).

Впрочем, довольно быстро К. избавился и от вычурного стиля, и от темы замершего в ожидании другой жизни обывателя. Уже в рассказе **«Кусок хлеба»** (1926), сб. повестей и рассказов **«Человечья закуска»** (1926) заметно упростился язык К., но главная его особенность осталась: подчеркнутая исключительность ситуации, в которую попадает герой. В **«Повести о карлике Максе, балаганном артисте»** (1926) несчастный лилипут убивает оскорбившего его начальника белой контрразведки, а в повести **«Абрам Нашатырь, содержатель гостиницы»** (1927) герой, стремясь разбогатеть, убивает дважды, причем во втором случае — родного брата, близкого человека и соучастника первого убийства. Однако занимательность и лихая интрига не являлись для К. самоцелью. Ему важно нечто иное, и автор специально замедляет действие в исключительно напряженных моментах, вставляет в рассказ лирические отступления, рассуждения от автора, чтобы не только отложить наступление всегда неожиданной развязки и подольше держать читателя в неведении, но и показать все нутро своих героев, поразмышлять о них.

Не обошел К. и тему нэпа, написав повесть **«Мещанин Адамейко»** (1927), и проблемы антисемитизма, выпустив сб. повестей и рассказов **«Человек, падающий ниц»** (1929), а в конце 1920-х начал писать свою основную книгу — роман **«Девять точек»**, над которым работал всю жизнь. Роман был первоначально задуман как произведение преимущественно бытовое, в центре которого стояла история большой семьи Калмыковых. Вторая линия романа — судьба депутата Государственной думы Карабаева, по замыслу К., должна была быть решена в плане преимущественно психологическом. Действие романа, задуманного как трилогия, предполагалось развернуть в достаточно продолжительном отрезке времени, оно охватывало около 15 лет и доходило до 1930, момента написания книги. В соответствии с этим и была написана 1-я часть, посвященная почти исключительно личным судьбам главных героев, общественная история представляла лишь как фон. Но на встречах с читателями «Девяти точек» К. обратил внимание

на то, что события Февральской революции, отодвинутые в общественном сознании многочисленными публикациями об Октябре, читателям известны мало. Не меняя первоначального своего плана, К. постепенно сузил границы романа до изображения периода с 1913 по 1917. Повествование обрело многоплановый характер (последние дни царской России, Февральская революция — до приезда Ленина в Петроград в апр. 1917).

1-я книга «Девяти точек» была опубликована в 1931. После нескольких ее переизданий в 1934 вышло издание, содержавшее 1-ю и 2-ю части, в 1936 — 3-я часть. Завершив повествование в 4-й книге, изданной в 1939, К. не перестал работать над романом и лишь накануне смерти в 1954 посчитал свою задачу выполненной. Роман, состоящий из 4 книг, настолько отличался от первоначального варианта, что К. даже пришлось сменить заглавие. Книга стала называться **«Крушение империи»**.

В 1930-х К. много занимался лит.-организационной работой. Он был инициатором издания, а затем и главным редактором ж. «Лит. современник», сотрудником газ. «Лит. Ленинград», участвовал в работе по созданию Союза советских писателей. В этом качестве он, в частности, организовал прием приехавших из Парижа на I съезд писателей А. Мальро и И. Эренбурга.

С конца 1930-х К. выступал и как драматург. Первый опыт подобного рода был предпринят К. еще в 1932, когда по его сценарию был снят кинофильм «Блестящая карьера». После того как в 1939 в московском театре Ленсовета и ленинградском театре им. Пушкина была поставлена пьеса К. **«Чекисты»**, он написал еще около 10 драматических произведений, часть из них совместно с А. Мариенгофом.

Творческая деятельность К. продолжалась до последних дней жизни писателя. Помимо работы над «Крушением империи» К. написал роман о послевоенной жизни интеллигенции **«Жители этого города»**, опубликованный посмертно в 1955, и повесть о лете 1917 **«Петроградские дни»** (1957).

Вскоре после кончины К. близко знавший его К. Федин написал: Михаил Козаков «был на редкость щедро наделен общественным темпераментом, был совершенно „своим“ в делах и днях коллективной писательской работы, и слишком многие из его литературных ровесников, дороживших этими его выдающимися качествами общественника, забывали, что самым дорогим в нем всегда оставалось дело его жизни — труд по призванию писателя».

Соч.: СС: в 4 т. 1929–31; Крушение империи. Ч. 1–4. М., 1956.

Лит.: Виноградов И. Углубление темы: О творчестве М. Козакова. Л., 1934; Федин К. Михаил Козаков и его «Крушение империи» // Федин К. Писатель, искусство, время. М., 1957; Борисова И. Герои и события // Новый мир. 1957. № 2; Виноградов И. О совр. герое // Новый мир. 1961. № 9; Ермилов В. Размышления над совр. повестью. М., 1963.

В. В. Попов

КОЗЛОВ Вильям Федорович [3.11.1928, станция Куженкино Бологовского р-на Тверской обл.] — прозаик.

К. вырос в семье деда по материнской линии — А. И. Абрамова, который с гордостью считал себя основателем поселения на станции Куженкино. Отец К.— И. В. Надточев был лейтенантом-пограничником, он настоял на том, чтобы первенцу дали имя в честь В. И. Ленина — ВИЛ (дед называл внука Василием).

Отец вскоре оставил семью, уехал в Ленинград, забрав с собой сына, но К. вернулся к матери. В 1936 мать вышла замуж повторно — за Ф. К. Козлова, путевого мастера, который усыновил приемных детей; когда К. получал паспорт, он видоизменил свое имя, а также взял фамилию и отчество отчима в знак благодарности за его истинно отцовское к нему отношение. Незадолго до войны Козловы переехали в Великие Луки. Этот период отразился впоследствии в книгах К.—

В. Ф. Козлов